Выхожу один я на дорогу… (сборник)

Автор:
Михаил Лермонтов

Выхожу один я на дорогу… (сборник)

Михаил Юрьевич Лермонтов

Классика в школе (Эксмо)

Перед вами книга из серии «Классика в школе», в которой собраны все произведения, изучающиеся в начальной и средней школе, а также в старших классах. Не тратьте время на поиски литературных произведений, ведь в этих книгах есть все, что необходимо прочесть по школьной программе: и для чтения в классе, и для внеклассных заданий. Избавьте своего ребенка от длительных поисков и невыполненных уроков. В книгу включены стихотворения и поэмы М. Ю. Лермонтова, которые изучают в средней школе и старших классах.

Михаил Лермонтов

Выхожу один я на дорогу… (сборник)

* * *

Стихотворения

1828–1836 гг.

Поэт

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой Девы лик священный
Живою кистью окончал,
Своим искусством восхищенный
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его младой,
И утомленный и немой,
Он забывал огонь небесный.
Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет, и в тишине
Поет, забывшись в райском сне,
Вас, вас! души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Все тише, и призрак бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.

К гению

Когда во тьме ночей мой, не смыкаясь, взор

Без цели бродит вкруг, прошедших дней укор

Когда зовет меня, невольно, к вспоминанью:

Какому тяжкому я предаюсь мечтанью!..

О сколько вдруг толпой теснится в грудь мою

И теней и любви свидетелей!.. Люблю!

Твержу забывшись им. Но полный весь тоскою,

Неверной девы лик мелькает предо мною…

Так, счастье ведал я, и сладкий миг исчез,

Как гаснет блеск звезды падучей средь небес!

Но я тебя молю, мой неизменный Гений:

Дай раз еще любить! дай жаром вдохновений

Согреться миг один, последний, и тогда

Пускай остынет пыл сердечный навсегда.

Но прежде там, где вы, души моей царицы,

Промчится звук моей задумчивой цевницы!

Молю тебя, молю, хранитель мой святой,

Над яблоней мой тирс и с лирой золотой

Повесь и начерти: здесь жили вдохновенья!

Певец знавал любви живые упоенья…

…И я приду сюда, и не узнаю вас,

О струны звонкие!……

……

.....

Но ты забыла, друг! когда порой ночной

Мы на балконе там сидели. Как немой,

Смотрел я на тебя с обычною печалью.

Не помнишь ты тот миг, как я, под длинной шалью

Сокрывши, голову на грудь твою склонял —

И был ответом вздох, твою я руку жал —

И был ответом взгляд и страстный и стыдливый!

И месяц был один свидетель молчаливый

Последних и невинных радостей моих!..

Их пламень на груди моей давно затих!..

Но, милая, зачем, как год прошел разлуки,

Как я почти забыл и радости и муки,

Желаешь ты опять привлечь меня к себе?..

Забудь любовь мою! покорна будь судьбе!

Кляни мой взор, кляни моих восторгов сладость!..

Забудь!.. пускай другой твою украсит младость!..

Ты ж, чистый житель тех неизмеримых стран,

Где стелется эфир, как вечный океан,

И совесть чистая с беспечностью драгою,

Хранители души, останьтесь ввек со мною!

И будет мне луны любезен томный свет,

Как смутный памятник прошедших, милых лет!..

Мой демон

Собранье зол его стихия.

Носясь меж дымных облаков,

Он любит бури роковые,

И пену рек, и шум дубров.

Меж листьев желтых, облетевших

Стоит его недвижный трон;

На нем, средь ветров онемевших,

Сидит уныл и мрачен он.

Он недоверчивость вселяет,

Он презрел чистую любовь,

Он все моленья отвергает,

Он равнодушно видит кровь,

И звук высоких ощущений

Он давит голосом страстей,

И муза кротких вдохновений

Страшится неземных очей.

К***

Мы снова встретились с тобой…

Но как мы оба изменились!..

Года унылой чередой

От нас невидимо сокрылись.

Ищу в глазах твоих огня,

Ищу в душе своей волненья.

Ах! как тебя, так и меня

Убило жизни тяготенье!..

Монолог

Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете.

К чему глубокие познанья, жажда славы,

Талант и пылкая любовь свободы,

Когда мы их употребить не можем?

Мы, дети севера, как здешние растенья,

Цветем недолго, быстро увядаем…

Как солнце зимнее на сером небосклоне,

Так пасмурна жизнь наша. Так недолго

Ее однообразное теченье…

И душно кажется на родине,

И сердцу тяжко, и душа тоскует…

Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,

Средь бурь пустых томится юность наша,

И быстро злобы яд ее мрачит,

И нам горька остылой жизни чаша;

И уж ничто души не веселит.

Баллада

Над морем красавица-дева сидит;

И, к другу ласкаяся, так говорит:

«Достань ожерелье, спустися на дно;

Сегодня в пучину упало оно!

Ты этим докажешь свою мне любовь!»

Вскипела лихая у юноши кровь,

И ум его обнял невольный недуг,

Он в пенную бездну кидается вдруг.

Из бездны перловые брызги летят,

И волны теснятся, и мчатся назад,

И снова приходят и о берег бьют,

Вот милого друга они принесут.

О счастье! он жив, он скалу ухватил,

В руке ожерелье, но мрачен как был.

Он верить боится усталым ногам,

И влажные кудри бегут по плечам…

«Скажи, не люблю иль люблю я тебя,

Для перлов прекрасной и жизнь не щадя,

По слову спустился на черное дно,

В коралловом гроте лежало оно. —

Возьми!» – и печальный он взор устремил

На то, что дороже он жизни любил.

Ответ был: «О милый, о юноша мой!

Достань, если любишь, коралл дорогой».

С душой безнадежной младой удалец

Прыгнул, чтоб найти иль коралл, или конец.

Из бездны перловые брызги летят,

И волны теснятся, и мчатся назад,

И снова приходят и о берег бьют,

Но милого друга они не несут.

Молитва

Не обвиняй меня, Всесильный,

И не карай меня, молю,

За то, что мрак земли могильный

С ее страстями я люблю;

За то, что редко в душу входит

Живых речей твоих струя;

За то, что в заблужденье бродит

Мой ум далеко от тебя;

За то, что лава вдохновенья

Клокочет на груди моей;

За то, что дикие волненья

Мрачат стекло моих очей;

За то, что мир земной мне тесен,

К тебе ж проникнуть я боюсь,

И часто звуком грешных песен

Я, Боже, не тебе молюсь.

Но угаси сей чудный пламень,

Всесожигающий костер,

Преобрати мне сердце в камень,

Останови голодный взор;

От страшной жажды песнопенья

Пускай, Творец, освобожусь,

Тогда на тесный путь спасенья

К тебе я снова обращусь.

«Один среди людского шума…»

Один среди людского шума,

Возрос под сенью чуждой я,

И гордо творческая дума

На сердце зрела у меня.

И вот прошли мои мученья,

Нашлися пылкие друзья,

Но я, лишенный вдохновенья,

Скучал судьбою бытия.

И снова муки посетили

Мою воскреснувшую грудь,

Изменой душу заразили

И не давали отдохнуть.

Я вспомнил прежние несчастья,

Но не найду в душе моей

Ни честолюбья, ни участья,

Ни слез, ни пламенных страстей.

Кавказ

Хотя я судьбой на заре моих дней,

О южные горы, отторгнут от вас,

Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:

Как сладкую песню отчизны моей,

Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.

Но мнилось, что в розовый вечера час

Та степь повторяла мне памятный глас.

За это люблю я вершины тех скал,

Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор;

Пять лет пронеслось: все тоскую по вас.

Там видел я пару божественных глаз;

И сердце лепечет, воспомня тот взор:

Люблю я Кавказ!..

Опасение

Страшись любви: она пройдет,

Она мечтой твой ум встревожит,

Тоска по ней тебя убьет,

Ничто воскреснуть не поможет.

Краса, любимая тобой,

Тебе отдаст, положим, руку…

Года мелькнут… летун седой

Укажет вечную разлуку…

И беден, жалок будешь ты,

Глядящий с кресел иль подушки

На безобразные черты

Твоей докучливой старушки,

Коль мысли о былых летах

В твой ум закрадутся порою

И вспомнишь, как на сих щеках

Играло жизнью молодою…

Без друга лучше дни влачить

И к смерти радостней клониться,

Чем два удара выносить

И сердцем о двоих крушиться!..

Вечер после дождя

Гляжу в окно: уж гаснет небосклон,
Прощальный луч на вышине колонн,
На куполах, на трубах и крестах
Блестит, горит в обманутых очах;
И мрачных туч огнистые края
Рисуются на небе, как змея,
И ветерок, по саду пробежав,
Волнует стебли омоченных трав…
Один меж них приметил я цветок,
Как будто перл, покинувший восток.
На нем вода блистаючи дрожит,
Главу свою склонивши, он стоит,
Как девушка в печали роковой:
Душа убита, радость над душой;
Хоть слезы льет из пламенных очей,
Но помнит все о красоте своей.

Наполеон

(Дума)

В неверный час, меж днем и темнотой,
Когда туман синеет над водой,

В час грешных дум, видений, тайн и дел,

Которых луч узреть бы не хотел,

А тьма укрыть, чья тень, чей образ там,

На берегу, склонивши взор к волнам,

Стоит вблизи нагбенного креста?

Он не живой. Но также не мечта:

Сей острый взгляд с возвышенным челом

И две руки, сложенные крестом.

Пред ним лепечут волны и бегут,

И вновь приходят, и о скалы бьют;

Как легкие ветрилы, облака

Над морем носятся издалека.

И вот глядит неведомая тень

На тот восток, где новый брезжит день;

Там Франция! – там край ее родной

И славы след, быть может скрытый мглой;

Там, средь войны, ее неслися дни…

О! для чего так кончились они!..

Прости, о слава! обманувший друг.

Опасный ты, но чудный, мощный звук;

И скиптр… о вас забыл Наполеон;

Хотя давно умерший, любит он

Сей малый остров, брошенный в морях,

Где сгнил его и червем съеден прах,

Где он страдал, покинут от друзей,

Презрев судьбу с гордыней прежних дней,

Где стаивал он на брегу морском,

Как ныне грустен, руки сжав крестом.

О! как в лице его еще видны

Следы забот и внутренней войны,

И быстрый взор, дивящий слабый ум,

Хоть чужд страстей, все полон прежних дум;

Сей взор как трепет в сердце проникал,

И тайные желанья узнавал,

Он тот же все; и той же шляпой он,

Сопутницею жизни, осенен.

Но – посмотри – уж день блеснул в струях…

Призрака нет, все пусто на скалах.

Нередко внемлет житель сих брегов

Чудесные рассказы рыбаков.

Когда гроза бунтует и шумит,

И блещет молния, и гром гремит,

Мгновенный луч нередко озарял

Печальну тень, стоящую меж скал.

Один пловец, как не был страх велик,

Мог различить недвижный смуглый лик,

Под шляпою, с нахмуренным челом,

И две руки, сложенные крестом.

Стансы

Я не крушуся о былом,

Оно меня не усладило.

Мне нечего запомнить в нем,

Чего б тоской не отравило!

Как настоящее, оно

Страстями чудными облито

И вьюгой зла занесено,

Как снегом крест в степи забытый!

Ответа на любовь мою

Напрасно жаждал я душою.

И если о любви пою —

Она была моей мечтою.

Я к одиночеству привык,

Я б не умел ужиться с другом;

Я б с ним препровожденный миг

Почел потерянным досугом.

Мне кручно в день, мне скучно в ночь.

Надежды нету в утешенье;

Она навек умчалась прочь,

Как жизни каждое мгновенье.

На светлый запад удалюсь,

Вид моря грусть мою рассеет.

Ни с кем в отчизне не прощусь —

Никто о мне не пожалеет!..

Быть может, будет мне о ком

Тогда вздохнуть, – и Провиденье

Заплатит мне спокойным днем

За долгое мое мученье.

Предсказание

Настанет год, России черный год,

Когда царей корона упадет;

Забудет чернь к ним прежнюю любовь,

И пища многих будет смерть и кровь;

Когда детей, когда невинных жен

Низвергнутый не защитит закон;

Когда чума от смрадных, мертвых тел

Начнет бродить среди печальных сел,

Чтобы платком из хижин вызывать,

И станет глад сей бедный край терзать;

И зарево окрасит волны рек:

В тот день явится мощный человек,

И ты его узнаешь – и поймешь,

Зачем в руке его булатный нож:

И горе для тебя! – твой плач, твой стон

Ему тогда покажется смешон;

И будет все ужасно, мрачно в нем,

Как плащ его с возвышенным челом.

Нищий

У врат обители святой

Стоял просящий подаянья

Бедняк иссохший, чуть живой

От глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил,

И взор являл живую муку,

И кто-то камень положил

В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви

С слезами горькими, с тоскою;

Так чувства лучшие мои

Обмануты навек тобою!

К...

Не говори: я трус, глупец!..

О! если так меня терзало

Сей жизни мрачное начало,

Какой же должен быть конец?.

Стансы

I. «взгляни, как мой спокоен взор…»

Взгляни, как мой спокоен взор,

Хотя звезда судьбы моей

Померкнула с давнишних пор

И с нею думы светлых дней.

Слеза, которая не раз

Рвалась блеснуть перед тобой,

Уж не придет, как этот час,

На смех подосланный судьбой.

Ii. «смеялась надо мною ты…»

Смеялась надо мною ты,

И я презреньем отвечал —

С тех пор сердечной пустоты

Я уж ничем не заменял.

Ничто не сблизит больше нас,

Ничто мне не отдаст покой…

Хоть в сердце шепчет чудный глас:

Я не могу любить другой.

Iii. «я жертвовал другим страстям…»

Я жертвовал другим страстям,

Но если первые мечты

Служить не могут снова нам, —

То чем же их заменишь ты?..

Чем успокоишь жизнь мою,

Когда уж обратила в прах

Мои надежды в сем краю,

А может быть, и в небесах?..

Ночь

Один я в тишине ночной;

Свеча сгоревшая трещит,

Перо в тетрадке записной

Головку женскую чертит;

Воспоминанье о былом,

Как тень, в кровавой пелене,

Спешит указывать перстом

На то, что было мило мне.

Слова, которые могли

Меня тревожить в те года,

Пылают предо мной вдали,

Хоть мной забыты навсегда.

И там скелеты прошлых лет

Стоят унылою толпой;

Меж ними есть один скелет —

Он обладал моей душой.

Как мог я не любить тот взор?

Презренья женского кинжал

Меня пронзил… но нет – с тех пор

Я все любил – я все страдал.

Сей взор невыносимый, он

Бежит за мною, как призра?к;

И я до гроба осужден

Другого не любить никак.

О! я завидую другим!

В кругу семейственном, в тиши,

Смеяться просто можно им

И веселиться от души.

Мой смех тяжел мне как свинец:

Он плод сердечной пустоты…

О Боже! вот что, наконец,

Я вижу, мне готовил ты.

Возможно ль! первую любовь

Такою горечью облить;

Притворством взволновав мне кровь,

Хотеть насмешкой остудить?

Желал я на другой предмет

Излить огонь страстей своих.

Но память, слезы первых лет!

Кто устоит противу них?

Русская песня

1

Клоками белый снег валится,

Что ж дева красная боится

С крыльца сойти,

Воды снести?

Как поп, когда он гроб несет,

Так песнь метелица поет,

Играет,

И у тесовых у ворот

Дворовый пес все цепь грызет

И лает…

2

Но не собаки лай печальный,

Не вой метели погребальный

Рождают страх

В ее глазах:

Недавно милый схоронен,

Бледней снегов предстанет он

И скажет:

«Ты изменила», – ей в лицо,

И ей заветное кольцо

Покажет!..

Завещание

1

Есть место: близ тропы глухой,

В лесу пустынном средь поляны,

Где вьются вечером туманы,

Осеребренные луной…

Мой друг! ты знаешь ту поляну;

Там труп мой хладный ты зарой,

Когда дышать я перестану!

2

Могиле той не откажи

Ни в чем, последуя закону;

Поставь над нею крест из клену

И дикий камень положи;

Когда гроза тот лес встревожит,

Мой крест пришельца привлечет;

И добрый человек, быть может,

На диком камне отдохнет.

К***

Всевышний произнес свой приговор,

Его ничто не переменит;

Меж нами руку мести он простер

И беспристрастно все оценит.

Он знает, и ему лишь можно знать,

Как нежно, пламенно любил я,

Как безответно все, что мог отдать,

Тебе на жертву приносил я.

Во зло употребила ты права,

Приобретенные над мною,

И мне, польстив любовию сперва,

Ты изменила – Бог с тобою!

О нет! я б не решился проклянуть!

Все для меня в тебе святое:

Волшебные глаза и эта грудь,

Где бьется сердце молодое.

Я помню, сорвал я обманом раз

Цветок, хранивший яд страданья, —

С невинных уст твоих в прощальный час

Непринужденное лобзанье;

Я знал: то не любовь – и перенес;

Но отгадать не мог я тоже,

Что всех моих надежд, и мук, и слез

Веселый миг тебе дороже!

Будь счастлива несчастием моим,

И, услыхав, что я страдаю,

Ты не томись раскаяньем пустым.

Прости! – вот все, что я желаю…

Чем заслужил я, чтоб твоих очей

Затмился свежий блеск слезами?

Ко смеху приучать себя нужней:

Ведь жизнь смеется же над нами!

Желание

Зачем я не птица, не ворон степной,

Пролетевший сейчас надо мной?

Зачем не могу в небесах я парить

И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,

Где цветут моих предков поля,

Где в замке пустом, на туманных горах,

Их забвенный покоится прах.

На древней стене их наследственный щит

И заржавленный меч их висит.

Я стал бы летать над мечом и щитом

И смахнул бы я пыль с них крылом;

И арфы шотландской струну бы задел,

И по сводам бы звук полетел;

Внимаем одним, и одним пробужден,

Как раздался, так смолкнул бы он.

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы

Против строгих законов судьбы.

Меж мной и холмами отчизны моей

Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных бойцов

Увядает средь чуждых снегов;

Я здесь был рожден, но нездешний душой…

О! Зачем я не ворон степной?..

Св. елена

Почтим приветом остров одинокой,

Где часто, в думу погружен,

На берегу о Франции далекой

Воспоминал Наполеон!

Сын моря, средь морей твоя могила!

Вот мщение за муки стольких дней!

Порочная страна не заслужила,

Чтобы великий жизнь окончил в ней.

Изгнанник мрачный, жертва вероломства —

И рока прихоти слепой,

Погиб, как жил – без предков и потомства

Хоть побежденный, но герой!

Родился он игрой судьбы случайной

И пролетел, как буря, мимо нас;

Он миру чужд был. Все в нем было тайной,

День возвышенья – и паденья час!

«Блистая пробегают облака…»

Блистая пробегают облака

По голубому небу. Холм крутой

Осенним солнцем озарен. Река

Бежит внизу по камням с быстротой.

И на холме пришелец молодой,

Завернут в плащ, недвижимо сидит

Под старою березой. Он молчит,

Но грудь его подъемлется порой;

Но бледный лик меняет часто цвет;

Чего он ищет здесь? – спокойствия? – о нет!

Он смотрит вдаль: тут лес пестреет, там

Поля и степи, там встречает взгляд

Опять дубраву или по кустам

Рассеянные сосны. Мир, как сад,

Цветет, надев могильный свой наряд:

Поблекнувшие листья; жалок мир!

В нем каждый средь толпы забыт и сир;

И люди все к ничтожеству спешат, —

Но, хоть природа презирает их,

Любимцы есть у ней, как у царей других.

И тот, на ком лежит ее печать,

Пускай не ропщет на судьбу свою,

Чтобы никто, никто не смел сказать,

Что у груди своей она змею

Согрела. «О! когда б одно люблю

Из уст прекрасной мог подслушать я,

Тогда бы люди, даже жизнь моя

В однообразном северном краю,

Все б в новый блеск оделось!» – так мечтал

Беспечный… но просить он неба не желал!

Исповедь

Я верю, обещаю верить,

Хоть сам того не испытал,

Что мог монах не лицемерить

И жить, как клятвой обещал;

Что поцелуи и улыбки

Людей коварны не всегда,

Что ближних малые ошибки

Они прощают иногда,

Что время лечит от страданья,

Что мир для счастья сотворен,

Что добродетель не названье

И жизнь поболее, чем сон!..

Но вере теплой опыт хладный

Противуречит каждый миг,

И ум, как прежде безотрадный,

Желанной цели не достиг;

И сердце, полно сожалений,

Хранит в себе глубокий след

Умерших, но святых видений —

И тени чувств, каких уж нет;

Его ничто не испугает,

И то, что было б яд другим,

Его живит, его питает

Огнем язвительным своим.

Чаша жизни

1

Мы пьем из чаши бытия

С закрытыми очами,

Златые омочив края

Своими же слезами;

2

Когда же перед смертью с глаз

Завязка упадает,

И все, что обольщало нас,

С завязкой исчезает;

3

Тогда мы видим, что пуста

Была златая чаша,

Что в ней напиток был – мечта,

И что она – не наша!

Небо и звезды

Чисто вечернее небо,

Ясны далекие звезды,

Ясны, как счастье ребенка;

О! для чего мне нельзя и подумать:

Звезды, вы ясны, как счастье мое!

Чем ты несчастлив? —

Скажут мне люди.

Тем я несчастлив,

Добрые люди, что звезды и небо —

Звезды и небо! – а я человек!..

Люди друг к другу

Зависть питают;

Я же, напротив,

Только завидую звездам прекрасным,

Только их место занять бы хотел.

«Когда б в покорности незнанья…»

1

Когда б в покорности незнанья

Нас жить создатель осудил,

Неисполнимые желанья

Он в нашу душу б не вложил,

Он не позволил бы стремиться

К тому, что не должно свершиться,

Он не позволил бы искать

В себе и в мире совершенства,

Когда б нам полного блаженства

Не должно вечно было знать.

2

Но чувство есть у нас святое,

Надежда, бог грядущих дней, —

Она в душе, где все земное,

Живет наперекор страстей;

Она залог, что есть поныне

На небе иль в другой пустыне

Такое место, где любовь

Предстанет нам, как ангел нежный,

И где тоски ее мятежной

Душа узнать не может вновь.

Ангел

По небу полуночи ангел летел

И тихую песню он пел;

И месяц, и звезды, и тучи толпой

Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов

Под кущами райских садов;

О Боге великом он пел, и хвала

Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес

Для мира печали и слез,

И звук его песни в душе молодой

Остался – без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,

Желанием чудным полна;

И звуков небес заменить не могли

Ей скучные песни земли.

«Как дух отчаянья и зла…»

Как дух отчаянья и зла,

Мою ты душу обняла;

О! для чего тебе нельзя

Ее совсем взять у меня?

Моя душа твой вечный храм;

Как божество твой образ там;

Не от небес, лишь от него

Я жду спасенья своего.

Звезда

Вверху одна

Горит звезда;

Мой взор она

Манит всегда;

Мои мечты

Она влечет

И с высоты

Меня зовет!

Таков же был

Тот нежный взор,

Что я любил

Судьбе в укор.

Мук никогда

Он зреть не мог,

Как та звезда,

Он был далек.

Усталых вежд

Я не смыкал

И без надежд

К нему взирал!

«Я видел раз ее в веселом вихре бала…»

Я видел раз ее в веселом вихре бала;

Казалось, мне она понравиться желала;

Очей приветливость, движений быстрота,

Природный блеск ланит и груди полнота —

Все, все наполнило б мне ум очарованьем,

Когда б совсем иным, бессмысленным желаньем

Я не был угнетен; когда бы предо мной

Не пролетала тень с насмешкою пустой,

Когда б я только мог забыть черты другие,

Лицо бесцветное и взоры ледяные!..

Сон

Я видел сон: прохладный гаснул день,

От дома длинная ложилась тень,

Луна, взойдя на небе голубом,

Играла в стеклах радужным огнем;

Все было тихо, как луна и ночь,

И ветр не мог дремоты превозмочь.

И на большом крыльце меж двух колонн

Я видел деву; как последний сон

Души, на небо призванной, она

Сидела тут пленительна, грустна;

Хоть, может быть, притворная печаль

Блестела в этом взоре, но едва ль.

Ее рука так трепетна была,

И грудь ее младая так тепла;

У ног ее (ребенок, может быть)

Сидел… ах! рано начал он любить,

Во цвете лет, с привязчивой душой,

Зачем ты здесь, страдалец молодой?

И он сидел и с страхом руку жал,

И глаз ее движенья провожал.

И не прочел он в них судьбы завет,

Мучение, заботы многих лет,

Болезнь души, потоки горьких слез,

Все, что оставил, все, что перенес;

И дорожил он взглядом тех очей,

Причиною погибели своей…

Мой демон

1

Собранье зол его стихия;

Носясь меж темных облаков,

Он любит бури роковые

И пену рек, и шум дубров;

Он любит пасмурные ночи,

Туманы, бледную луну,

Улыбки горькие и очи,

Безвестные слезам и сну.

2

К ничтожным хладным толкам света

Привык прислушиваться он,

Ему смешны слова привета

И всякий верящий смешон;

Он чужд любви и сожаленья,

Живет он пищею земной,

Глотает жадно дым сраженья

И пар от крови пролитой.

3

Родится ли страдалец новый,

Он беспокоит дух отца,

Он тут с насмешкою суровой

И с дикой важностью лица;

Когда же кто-нибудь нисходит

В могилу с трепетной душой,

Он час последний с ним проводит,

Но не утешен им больной.

4

И гордый демон не отстанет,

Пока живу я, от меня,

И ум мой озарять он станет

Лучом чудесного огня;

Покажет образ совершенства

И вдруг отнимет навсегда

И, дав предчувствия блаженства,

Не даст мне счастья никогда.

«Люблю я цепи синих гор…»

Люблю я цепи синих гор,

Когда, как южный метеор,

Ярка без света и красна

Всплывает из-за них луна,

Царица лучших дум певца

И лучший перл того венца,

Которым свод небес порой

Гордится, будто царь земной.

На западе вечерний луч

Еще горит на ребрах туч

И уступить все медлит он

Луне – угрюмый небосклон;

Но скоро гаснет луч зари…

Высоко месяц. Две иль три

Младые тучки окружат

Его сейчас… вот весь наряд,

Которым белое чело

Ему убрать позволено.

Кто не знавал таких ночей

В ущельях гор иль средь степей?

Однажды при такой луне

Я мчался на лихом коне

В пространстве голубых долин,

Как ветер, волен и один;

Туманный месяц и меня,

И гриву, и хребет коня

Сребристым блеском осыпал;

Я чувствовал, как конь дышал,

Как он, ударивши ногой,

Отбрасываем был землей;

И я в чудесном забытьи

Движенья сковывал свои,

И с ним себя желал я слить,

Чтоб этим бег наш ускорить;

И долго так мой конь летел…

И вкруг себя я поглядел:

Все та же степь, все та ж луна:

Свой взор ко мне склонив, она,

Казалось, упрекала в том,

Что человек с своим конем

Хотел владычество степей

В ту ночь оспоривать у ней!

«Я счастлив! – тайный яд течет в моей крови…»

Я счастлив! – тайный яд течет в моей крови,

Жестокая болезнь мне смертью угрожает!..

Дай Бог, чтоб так случилось!.. ни любви,

Ни мук умерший уж не знает;

Шести досок жилец уединенный,

Не зная ничего, оставленный, забвенный,

Ни славы зов, ни голос твой

Не возмутит надежный мой покой!..

К*

Я не унижусь пред тобою;

Ни твой привет, ни твой укор

Не властны над моей душою.

Знай: мы чужие с этих пор.

Ты позабыла: я свободы

Для заблужденья не отдам;

И так пожертвовал я годы

Твоей улыбке и глазам,

И так я слишком долго видел

В тебе надежду юных дней

И целый мир возненавидел,

Чтобы тебя любить сильней.

Как знать, быть может, те мгновенья,

Что протекли у ног твоих,

Я отнимал у вдохновенья!

А чем ты заменила их?

Быть может, мыслию небесной

И силой духа убежден,

Я дал бы миру дар чудесный,

А мне за то бессмертье он?

Зачем так нежно обещала

Ты заменить его венец,

Зачем ты не была сначала,

Какою стала наконец!

Я горд!.. прости! люби другого,

Мечтай любовь найти в другом;

Чего б то ни было земного

Я не соделаюсь рабом.

К чужим горам под небо юга

Я удалюся, может быть;

Но слишком знаем мы друг друга,

Чтобы друг друга позабыть.

Отныне стану наслаждаться

И в страсти стану клясться всем;

Со всеми буду я смеяться,

А плакать не хочу ни с кем;

Начну обманывать безбожно,

Чтоб не любить, как я любил;

Иль женщин уважать возможно,

Когда мне ангел изменил?

Я был готов на смерть и муку

И целый мир на битву звать,

Чтобы твою младую руку —

Безумец! – лишний раз пожать!

Не знав коварную измену,

Тебе я душу отдавал;

Такой души ты знала ль цену?

Ты знала – я тебя не знал!

Альбом Н. Ф. Ивановой

Что может краткое свиданье
Мне в утешенье принести?
Час неизбежный расставанья
Настал, и я сказал: прости.
И стих безумный, стих прощальный
В альбом твой бросил для тебя,
Как след единственный, печальный,
Который здесь оставлю я.

Альбом Д. Ф. Ивановой

Когда судьба тебя захочет обмануть
И мир печалить сердце станет —
Ты не забудь на этот лист взглянуть
И думай: тот, чья ныне страждет грудь,
Не опечалит, не обманет.

«Нет, я не байрон, я другой…»

Нет, я не Байрон, я другой,

Еще неведомый избранник,

Как он, гонимый миром странник,

Но только с русскою душой.

Я раньше начал, кончу ране,

Мой ум не много совершит;

В душе моей, как в океане,

Надежд разбитых груз лежит.

Кто может, океан угрюмый,

Твои изведать тайны? Кто

Толпе мои расскажет думы?

Я – или Бог – или никто!

«Я жить хочу! хочу печали…»

Я жить хочу! хочу печали

Любви и счастию назло;

Они мой ум избаловали

И слишком сгладили чело.

Пора, пора насмешкам света

Прогнать спокойствия туман;

Что без страданий жизнь поэта?

И что без бури океан?

Он хочет жить ценою муки,

Ценой томительных забот.

Он покупает неба звуки,

Он даром славы не берет.

Желанье

Отворите мне темницу,

Дайте мне сиянье дня,

Черноглазую девицу,

Черногривого коня.

Дайте раз по синю полю

Проскакать на том коне;

Дайте раз на жизнь и волю,

Как на чуждую мне долю,

Посмотреть поближе мне.

Дайте мне челнок дощатый

С полусгнившею скамьей,

Парус серый и косматый,

Ознакомленный с грозой.

Я тогда пущуся в море

Беззаботен и один,

Разгуляюсь на просторе

И потешусь в буйном споре

С дикой прихотью пучин.

Дайте мне дворец высокой

И кругом зеленый сад,

Чтоб в тени его широкой

Зрел янтарный виноград;

Чтоб фонтан не умолкая

В зале мраморном журчал

И меня б в мечтаньях рая,

Хладной пылью орошая,

Усыплял и пробуждал…

К*

Мой друг, напрасное старанье!

Скрывал ли я свои мечты?

Обыкновенный звук, названье,

Вот все, чего не знаешь ты.

Пусть в этом имени хранится,

Быть может, целый мир любви…

Но мне ль надеждами делиться?

Надежды… о! они мои,

Мои – они святое царство

Души задумчивой моей…

Ни страх, ни ласки, ни коварство,

Ни горький смех, ни плач людей,

Дай мне сокровища вселенной,

Уж никогда не долетят

В тот угол сердца отдаленный,

Куда запрятал я мой клад.

Как помню, счастье прежде жило

И слезы крылись в месте том:

Но счастье скоро изменило,

А слезы вытекли потом.

Беречь сокровища святые

Теперь я выучен судьбой;

Не встретят их глаза чужие,

Они умрут во мне, со мной!..

К*

Печаль в моих песнях, но что за нужда?

Тебе не внимать им, мой друг, никогда.

Они не прогонят улыбку святую

С тех уст, для которых живу и тоскую.

К тебе не домчится ни слово, ни звук,

Отзыв беспокойный неведомых мук.

Певца твоя ласка утешить не может,

Зачем же он сердце твое потревожит?

О нет! одна мысль, что слеза омрачит

Тот взор несравненный, где счастье горит,

Безумные б звуки в груди подавила,

Хоть прежде за них лишь певца ты любила.

Два великана

В шапке золота литого

Старый русский великан

Поджидал к себе другого

Из далеких чуждых стран.

За горами, за долами

Уж гремел об нем рассказ,

И помериться главами

Захотелось им хоть раз.

И пришел с грозой военной

Трехнедельный удалец,

И рукою дерзновенной

Хвать за вражеский венец.

Но улыбкой роковою

Русский витязь отвечал:

Посмотрел – тряхнул главою…

Ахнул дерзкий – и упал!

Но упал он в дальнем море

На неведомый гранит,

Там, где буря на просторе

Над пучиною шумит.

К*

1

Прости! – мы не встретимся боле,

Друг другу руки не пожмем;

Прости! – твое сердце на воле…

Но счастья не сыщет в другом.

Я знаю: с порывом страданья

Опять затрепещет оно,

Когда ты услышишь названье

Того, кто погиб так давно!

2

Есть звуки – значенье ничтожно

И презрено гордой толпой —

Но их позабыть невозможно:

Как жизнь, они слиты с душой;

Как в гробе, зарыто былое

На дне этих звуков святых;

И в мире поймут их лишь двое,

И двое лишь вздрогнут от них!

3

Мгновение вместе мы были,

Но вечность – ничто перед ним;

Все чувства мы вдруг истощили,

Сожгли поцелуем одним;

Прости! – не жалей безрассудно,

О краткой любви не жалей:

Расстаться казалось нам трудно,

Но встретиться было б трудней!

«Безумец я! Вы правы, правы!..»

Безумец я! вы правы, правы!

Смешно бессмертье на земли.

Как смел желать я громкой славы,

Когда вы счастливы в пыли?

Как мог я цепь предубеждений

Умом свободным потрясать

И пламень тайных угрызений

За жар поэзии принять?

Нет, не похож я на поэта!

Я обманулся, вижу сам;

Пускай, как он, я чужд для света,

Но чужд зато и небесам!

Мои слова печальны: знаю;

Но смысла их вам не понять.

Я их от сердца отрываю,

Чтоб муки с ними оторвать!

Нет… мне ли властвовать умами,

Всю жизнь на то употребя?

Пускай возвышусь я над вами,

Но удалюсь ли от себя?

И позабуду ль самовластно

Мою погибшую любовь,

Все то, чему я верил страстно,

Чему не смею верить вновь?

Парус

Белеет парус одинокой

В тумане моря голубом!..

Что ищет он в стране далекой?

Что кинул он в краю родном?..

Играют волны – ветер свищет,

И мачта гнется и скрыпит…

Увы! он счастия не ищет

И не от счастия бежит!

Под ним струя светлей лазури,

Над ним луч солнца золотой…

А он, мятежный, просит бури,

Как будто в бурях есть покой!

Тростник

Сидел рыбак веселый

На берегу реки;

И перед ним по ветру

Качались тростники.

Сухой тростник он срезал

И скважины проткнул;

Один конец зажал он,

В другой конец подул.

И будто оживленный,

Тростник заговорил —

То голос человека

И голос ветра был.

И пел тростник печально:

«Оставь, оставь меня;

Рыбак, рыбак прекрасный,

Терзаешь ты меня!

И я была девицей,

Красавица была,

У мачехи в темнице

Я некогда цвела.

И много слез горючих

Невинно я лила;

И раннюю могилу

Безбожно я звала.

И был сынок любимец

У мачехи моей,

Обманывал красавиц,

Пугал честных людей.

И раз пошли под вечер

Мы на берег крутой,

Смотреть на сини волны,

На запад золотой.

Моей любви просил он…

Любить я не могла,

И деньги мне дарил он, —

Я денег не брала;

Несчастную сгубил он,

Ударил в грудь ножом,

И здесь мой труп зарыл он

На берегу крутом;

И над моей могилой

Взошел тростник большой,

И в нем живут печали

Души моей младой.

Рыбак, рыбак прекрасный,

Оставь же свой тростник.

Ты мне помочь не в силах,

А плакать не привык».

Русалка

1

Русалка плыла по реке голубой,

Озаряема полной луной;

И старалась она доплеснуть до луны

Серебристую пену волны.

2

И шумя и крутясь колебала река

Отраженные в ней облака;

И пела русалка – и звук ее слов

Долетал до крутых берегов.

3

И пела русалка: «На дне у меня

Играет мерцание дня;

Там рыбок златые гуляют стада,

Там хрустальные есть города;

4

И там на подушке из ярких песков,

Под тенью густых тростников,

Спит витязь, добыча ревнивой волны,

Спит витязь чужой стороны.

5

Расчесывать кольца шелковых кудрей

Мы любим во мраке ночей,

И в чело, и в уста мы, в полуденный час,

Целовали красавца не раз.

6

Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем,

Остается он хладен и нем;

Он спит, – и, склонившись на перси ко мне,

Он не дышит, не шепчет во сне!..»

7

Так пела русалка над синей рекой,

Полна непонятной тоской;

И, шумно катясь, колебала река

Отраженные в ней облака.

1837–1841 гг.

Бородино

– Скажи-ка, дядя, ведь недаром

Москва, спаленная пожаром,

Французу отдана?

Ведь были ж схватки боевые,

Да, говорят, еще какие!

Недаром помнит вся Россия

Про день Бородина!

– Да, были люди в наше время,

Не то, что нынешнее племя:

Богатыри – не вы!

Плохая им досталась доля:

Не многие вернулись с поля…

Не будь на то Господня воля,

Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,

Досадно было, боя ждали,

Ворчали старики:

«Что ж мы? на зимние квартиры?

Не смеют, что ли, командиры

Чужие изорвать мундиры

О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:

Есть разгуляться где на воле!

Построили редут.

У наших ушки на макушке!

Чуть утро осветило пушки

И леса синие верхушки —

Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго

И думал: угощу я друга!

Постой-ка, брат мусью!

Что тут хитрить, пожалуй к бою;

Уж мы пойдем ломить стеною,

Уж постоим мы головою

За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.

Что толку в этакой безделке?

Мы ждали третий день.

Повсюду стали слышны речи:

«Пора добраться до картечи!»

И вот на поле грозной сечи

Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,

И слышно было до рассвета,

Как ликовал француз.

Но тих был наш бивак открытый:

Кто кивер чистил весь избитый,

Кто штык точил, ворча сердито,

Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,

Все шумно вдруг зашевелилось,

Сверкнул за строем строй.

Полковник наш рожден был хватом:

Слуга царю, отец солдатам…

Да, жаль его: сражен булатом,

Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:

«Ребята! не Москва ль за нами?

Умремте ж под Москвой,

Как наши братья умирали!»

И умереть мы обещали,

И клятву верности сдержали

Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий

Французы двинулись, как тучи,

И всё на наш редут.

Уланы с пестрыми значками,

Драгуны с конскими хвостами,

Все промелькнули перед нами,

Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..

Носились знамена, как тени,

В дыму огонь блестел,

Звучал булат, картечь визжала,

Рука бойцов колоть устала,

И ядрам пролетать мешала

Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,

Что значит русский бой удалый,

Наш рукопашный бой!..

Земля тряслась – как наши груди;

Смешались в кучу кони, люди,

И залпы тысячи орудий

Слились в протяжный вой…

Вот смерклось. Были все готовы

Заутра бой затеять новый

И до конца стоять…

Вот затрещали барабаны —

И отступили басурманы.

Тогда считать мы стали раны,

Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,

Могучее, лихое племя:

Богатыри – не вы.

Плохая им досталась доля:

Не многие вернулись с поля,

Когда б на то не Божья воля,

Не отдали б Москвы!

Смерть поэта

Отмщенья, государь, отмщенья!

Паду к ногам твоим:

Будь справедлив и накажи убийцу,

Чтоб казнь его в позднейшие века

Твой правый суд потомству возвестила,

Чтоб видели злодеи в ней пример.

Погиб поэт! – невольник чести —

Пал, оклеветанный молвой,

С свинцом в груди и жаждой мести,

Поникнув гордой головой!..

Не вынесла душа поэта

Позора мелочных обид,

Восстал он против мнений света

Один, как прежде… и убит!

Убит!.. к чему теперь рыданья,

Пустых похвал ненужный хор

И жалкий лепет оправданья?

Судьбы свершился приговор!

Не вы ль сперва так злобно гнали

Его свободный, смелый дар

И для потехи раздували

Чуть затаившийся пожар?

Что ж? веселитесь… – он мучений

Последних вынести не мог:

Угас, как светоч, дивный гений,

Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно

Навел удар… спасенья нет:

Пустое сердце бьется ровно.

В руке не дрогнул пистолет.

И что за диво?.. издалека,

Подобный сотням беглецов,

На ловлю счастья и чинов

Заброшен к нам по воле рока;

Смеясь, он дерзко презирал

Земли чужой язык и нравы;

Не мог щадить он нашей славы;

Не мог понять в сей миг кровавый,

На что? он руку поднимал!..

И он убит – и взят могилой,

Как тот певец, неведомый, но милый,

Добыча ревности глухой,

Воспетый им с такою чудной силой,

Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной

Вступил он в этот свет, завистливый и душный

Для сердца вольного и пламенных страстей?

Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,

Зачем поверил он словам и ласкам ложным,

Он, с юных лет постигнувший людей?..

И прежний сняв венок, – они венец терновый,

Увитый лаврами, надели на него:

Но иглы тайные сурово

Язвили славное чело;

Отравлены его последние мгновенья

Коварным шепотом насмешливых невежд,

И умер он – с напрасной жаждой мщенья,

С досадой тайною обманутых надежд.

Замолкли звуки чудных песен,

Не раздаваться им опять:

Приют певца угрюм и тесен,

И на устах его печать.

А вы, надменные потомки

Известной подлостью прославленных отцов,

Пятою рабскою поправшие обломки

Игрою счастия обиженных родов!

Вы, жадною толпой стоящие у трона,

Свободы, Гения и Славы палачи!

Таитесь вы под сению закона,

Пред вами суд и правда – всё молчи!..

Но есть и Божий суд, наперсники разврата!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mihail-lermontov/vyhozhu-odin-ya-na-dorogu-sbornik

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити